

наслажденья смутная скука вскоре заставляет меня сожалеть о желании».¹³

Пушкин дает свое решение трагедии Фауста. Объясняя с реалистических позиций «скуку» Фауста, поэт психологически точно и правдиво раскрывает неминуемый переход от скуки, равнодушия и презрения к людям к яростной, жестокой ненависти к ним. Оттого он и ставит новую и страшную задачу перед Мефистофелем: увидев в море белеющий парус приближающегося к берегам Голландии корабля, он приказывает: «Все утопить!». Этим приказом и кончается «Сцена». Эволюция героя, осуществленная аналитически, в психологическом ключе — от горькой жалобы «Мне скучно, бес!» до зловещего и жестокого приказа «Все утопить!» — и раскрывает неминуемую катастрофу человека, доверившегося философии индивидуализма, увидевшего в ней оружие и средство своего самоутверждения и самореализации.

В этом и проявилась всемирность Пушкина. Стоя на позициях историзма и реализма, он свободно обращался к мировому образу, чтобы объяснить его идеалы и судьбу. Протеизм помогал перевоплощению, которое подчинялось задаче дать ответ на общественные, философские и нравственные вопросы и проблемы, стоявшие перед человечеством нового века, опираясь на опыт исторического, социального и общественного развития России. Борьба Пушкина с романтизмом, моментом которой была и «Сцена из Фауста», диктовалась высоким сознанием долга писателя. И использование мировых образов и сюжетов оказывалось в решении этих задач наиболее эффективным. Именно потому после «Сцены из Фауста» и родился у Пушкина замысел других драматических произведений, который и был осуществлен в первую болдинскую осень.

И в заключение одно дополнение. В решении Пушкиным проблемы Фауста, как я сказал, проявилась самобытная русская мысль. Конечно, на этом решении лежит печать личной гениальности Пушкина-художника. И все же решение это не есть плод данной индивидуальности: оно уходило корнями в русскую жизнь, в русскую историю, питалось богатыми традициями русского самосознания, выражало его и одновременно формировало на новом историческом этапе. Не случайно потому те же общечеловеческие философские проблемы понимания человека и путей его самореализации в наступившем «железном веке» по-своему, но с тех же позиций русского национального опыта решались Лермонтовым в «Демоне». Больше того, к проблеме Фауста в 40-е годы обратился Тургенев.

Эпоха рождения в Германии идеала свободной и независимой личности, указывал Тургенев, определяется как эпоха романтизма: «Романтизм есть не что иное, как апофеоза личности. Он готов толковать об обществе, об общественных вопросах,

¹³ M-me de Staël. De L'Allemagne. Paris, 1862, p. 280—281.